

Н. Н. Иванов

Типология фольклорных текстов об императоре Александре I и Наполеоне Бонапарте

В работе, посвященной проблемам типологии и интерпретации фольклорных текстов, рассмотрены закономерности фольклорного и мифопоэтического осмысления исторических реалий, конкретных исторических событий и лиц: Отечественная война 1812 г., Александр Первый и Наполеон Бонапарт.

На материале несказочного нарративного фольклора (легенды, предания), агиографии и отдельных видов народных сказок автор показывает соотношение внешней и внутренней формы фольклорного текста, образа и прототипа, обобщает значение мифологических и фольклорных ассоциаций в создании образов исторических персоналий. Данная проблематика представлена в контексте актуальных вопросов исследования фольклора. Предложенные методики анализа учитывают филологические и психологические особенности осмысления фольклорного текста.

Статья актуализирует двухсотлетний юбилей Войны 1812 г. и адресована исследователям фольклора и литературы, историкам, краеведам, преподавателям и студентам-филологам. Статья способствует решению проблем гуманитарного образования, адекватному восприятию художественного текста.

Ключевые слова: несказочный нарративный фольклор и его типология, поэтика легенды и предания, Отечественная война 1812 г. в фольклоре.

N. N. Ivanov

Typology of Folklore Texts about Emperor Alexander I and Napoleon Bonaparte

In the work, devoted to the problems of typology and interpretation of folklore texts, are considered the regularities of folklore and mythological and poetic comprehension of the historical reality, the specific historical events and persons: the Patriotic War of 1812, Alexander I and Napoleon Bonaparte.

On the material of the non-fairy-tale narrative folklore (legends, stories), hagiography and certain types of folk tales, the author shows the ratio of external and internal forms of the folklore text, image and prototype, summarizes the value of the mythology and folklore associations in the creation of images of historical personalities. This problem is presented in the context of the topical issues of the study of folklore. The proposed methods of the analysis take into account the linguistic and psychological peculiarities of reflection of the folklore text.

The article necessitates the two-hundred-year anniversary of the War of 1812 and is addressed to researchers of folklore and literature, historians, regional specialists, teachers and student-philologists. The article contributes into the solution of the problems of humanitarian education, adequate perception of the artistic text.

Keywords: non-fairy-tale narrative folklore and its typology, poetics of the legend, the Patriotic War of 1812 in folklore.

Интенсивному фольклорному и художественному осмыслению подверглись персоналии Отечественной войны 1812 г.: фигура русского императора Александра Первого *Благословенного* (1777–1825) и Наполеона Бонапарта, государственного деятеля, императора, первого консула Французской Республики. В данной работе мы пытаемся увидеть это явление изнутри, через поэтику фольклорных текстов.

Император Александр Первый является персонажем легенды о старце Федоре Кузьмиче. Легенда возникла в середине XIX в. при жизни старца и повествует о том, что император инсценировал свою смерть и стал скитальцем [15, 16, 17].

На легенде построена и агиография. Старец Федор Кузьмич был канонизирован и почитается церковью как Святой праведный Феодор Томский: со-

ставлены житие, молитва и акафист. Костные останки без черепа были обреты 5 июля 1995 г. в выгребной яме в гробу без крышки на месте разрушенной часовни. Нетленные мощи находятся в Казанской церкви томского Богородице-Алексеевского монастыря, а их частица – в храме Александра Невского в Новосибирске. Историография вопрос о тождестве Александра Первого и Федора Кузьмича решает неоднозначно. Тайственный уход императора и не менее загадочная личность старца влекли Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко, Д. С. Мережковского, Д. С. Самойлова, и они интерпретировали легенду [4]. Нас интересует не тождество императора и старца, не рефлексия легенды в художественной литературе или кино, а проблема трансформации исторических фигур в народном художественном сознании, их образы в

устной сказочной прозе, агиографии, характеристики названных лиц как фольклорных персонажей.

Образ Александра Первого существенно мифологизирован и создан по законам текстов трех типов: легенда (романовская легенда и легенда о святом старце), семейное предание и агиография с чертами фольклора. Границы между романовской легендой и семейным преданием здесь слабо различимы. Контаминация текстов разных жанров с одним персонажем – это выражение вариантности, характеризующей любой фольклорный текст. Точность записей и содержание вариантов отсылают к инварианту.

Легенды – это «устные рассказы религиозного содержания» [14, с. 4]. Религиозность содержания и другие основные признаки жанра четко видны в легенде о Федоре Кузьмиче: она ретроспективна, имеет установку на достоверность и связь с исторической эпохой; стремясь к объяснению истории, легенда выполняет этиологическую функцию, что сближает ее с мифом. Ретроспективу обеспечил временной интервал между событием (таинственная смерть-исчезновение Александра в 1825 г.) и появлением текста легенды в середине 1860-х гг.

Литературные и исторические интерпретации легенды – это типы дискурсов, которые по-разному актуализируют воспроизводимый текст и включают его в дискурсивную практику [20, с. 34]. Результат – полнота представлений об архетипе и содержании легенды вообще.

Функции легенд – воплощать «морально-этические нормы христианства», идеи, возникшие под влиянием «воодушевленного отношения к вере» [1]. Сюжет легенды имеет библейскую и агиографическую традицию, но христианское и религиозное в ней стало мистическим, фантастическим. Модальность текста (отношение к действительности) такова, что благодаря авторитету царя-старца утверждается идея подвижничества, непреходящее значение морально-этических норм христианства. Слухи о старце-императоре усиливают модальность достоверности: до начала XX в. в часовне села Зерцалы хранились будто бы принадлежавшие Федору Евангелие, Печерская икона Божией Матери и вензель на листе бумаги с литерой «А».

В легенде о старце Федоре Кузьмиче народное сознание обращено к исторической основе; подлинно, достоверно ее архетип (прототип). Этим обусловлена и подлинность реализованных в судьбе царя-старца мотивов. Таковыми они воспринимаются, но логика, структура сюжета легенды подчинены поэтике фольклорного мотива. В фольклори-

стике мотив больше сюжета [11]. Вот элементы мотива, на которых построен сюжет легенды:

1) Первоначальная беда. За рамками текста находится для всех очевидное несправедливое воцарение (грех косвенного отцеубийства), отсюда – мощнейшие мотивы страданий и искупления вины;

2) Тайна происхождения и посмертная «тайна» Федора Кузьмича;

3) Мотив странствий, охватывающий период до 1836 г., арест и ссылка в Сибирь (гиблый край);

4) Жизнь у купца Хромова, праведные дела.

Александр Первый как персонаж сказочной прозы – это царь-двойник, что заставляет думать о нем, придает образу загадочность и значительность. Поведение персонажа как святого и отчасти юродивого типично для легенды. Таковы факты притворства и сокрытия прошлого: он был задержан как бродяга без документов, назвался шестидесятилетним Федором Козьмичем Козьминым, но происхождение свое скрыл, в сентябре 1836 г. на суде заявил, что неграмотен, хотя позднее учил грамоте, говорил на французском языке, вел обширную переписку и проч.

Другие черты легендарного поведения конкретизируют роль, определенную Александру-Федору народным сознанием. По сути, это система легендарных подмотивов. *Старца начинают узнавать.* Покойного императора опознал в Федоре Казак Березин, служивший ранее в Петербурге. В начале XX в. появилось сообщение казака Антона Черкашина с указанием на священника Иоанна Александровского, сосланного в Сибирь из Петербурга, который неоднократно видел императора в столице. Казак Сидоров привел высказывание Федора Кузьмича, что было расценено как наличие у него связей в Петербурге.

Аскетизм. В аскетизме прослеживается страдание и постепенное искупление вины. Сначала старец провел 10 лет в келье, сделанной из старого овечьего хлева, позднее жил в бедной крестьянской семье в селе Зерцалы. И только после этого – в келье у купца С. Ф. Хромова на заимке.

Могущество и праведность. Возникновение слухов о царственном происхождении старца совпадает с началом почитания за праведную жизнь. По словам крестьян, Федор обладал большой физической силой. В материалах Томской экспедиции о ссыльных сохранилось описание его внешности: рост 2 аршина и 6 с 3/4 вершков, глаза серые, волосы на голове и бороде светло-русые с проседью, кругловатый подбородок, на спине – следы от побоев кнутом [13]. За время пути по этапу в 1836 г. Федор расположил к себе заключенных и конвои-

ров, заботился о слабых и больных; был единственным арестантом, не закованным в кандалы. Позднее он помогал советами в разных делах, ода- ривал милостыней арестантов, странствуя по де- ревням, обучал детей Священному Писанию, гра- моте, истории, но денег не брал, только пищу.

Принадлежность к иному, чудесному миру. Ста- рец был образован, имел аристократические мане- ры, но разговоров о прошлом избегал. Местные жители вспоминали, что Федора навещал Иркут- ский епископ Афанасий (Соколов), и они говорили на французском языке. Старец встречался с епи- скопом Томским Парфением (с 1863 г. – архиепи- скоп Иркутский и Нерчинский). В 1850-е гг. келью старца на пасеке Латышева посетил Л. Н. Толстой, и они беседовали целый день. Старец – обладатель дара чудотворения: разоблачил беглого каторжни- ка-убийцу, исцелил больного священника, предска- зывал счастливый брак и др. Мотив тайны укруп- няют и оставшиеся после смерти Федора Кузьмича загадочные записки. Таким образом, легендарный образ старца Федора Кузьмича обладает огромным эстетическим и нравственным потенциалом.

В отличие от Александра, Наполеон был мифо- логизирован совершенно иначе. Девятнадцатое столетие было «пронизано отзвуками наполеонов- ского мифа» [8, с. 127]. Наполеон – загадка века, но не для фольклора. И если художественные и оце- ночные аспекты его образа литературная традиция (Державин, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский) широко варьировала (ноты сочувст- вия и понимания в пушкинском «К морю»), то в фольклоре двусмысленность оценок исключена. Фольклорный образ наделен постоянными чертами и выразительными деталями. Демонизируемый Наполеон – это захватчик-мародер, предводитель супостатов, злодей, представитель нечистой силы или торгашеского «железного» XIX в. Деталь бур- жуазного облика Наполеона – пресловутый серый сюртук. Наполеон – антипод, антагонист Алексан- дра Павловича, православной веры, коренных ус- тоев жизни русского народа. С другой стороны, русский царь идеализируется. Александр-царь, царь белый, царь-батюшка – разоблачитель «зло- дея», «шельмы» Наполеона-короля.

В исторических народных песнях XIX в. «Алек- сандр I обвиняет Наполеона», «Наполеон пишет письмо Александру», «Кипел, горел пожар москов- ский...», «Донцы-молодцы», «Наполеон-то, Напо- леон...» и других жанрах Наполеон более смешон, чем страшен. Издевательски, каламбурно обыгры- вается его имя в загадке: «Что делал слон, когда был НаПолеОн?» Народные исторические драмы

(«Как француз Москву брал») сочетают историче- ские мотивы, патриотические чувства с сатириче- ским освещением императора французов и его приближенных. Глупы вопросы Наполеона генера- лам, глупы их действия и ответы. Французы едят ворон, император соглашается с лекарем умертвить раненых французов таблетками. Русский старик говорит старухе: «Понесем хоронить Потемкина тело, чтобы оно по всей земле не тлело, отдадим ему последнюю честь, чтобы войну с французами с честью и похвалою снести, чтобы нам Москву вер- нуть и Наполеона из России турнуть!» [21].

Иницируя в 1806 г. образ Наполеона- антихриста, Святейший Синод, вероятно, апелли- ровал к архетипам русского народного сознания. Манифест «Наполеон-антихрист» духовенство чи- тало в храмах по окончании литургии в воскресные и праздничные дни [5]. Церковь актуализировала и другие устоявшиеся в народе характеристики анти- христа, лжемессии, отметила «богопротивные его замыслы и деяния»: «богопротивная революция», «отложился» от христианской веры, лжеумствовал, проповедовал в Египте «Алкоран Магометов», со- звал во Франции иудейские синагоги [7].

Журнал «Сын Отечества» в 1812 г. опубликовал переведенный на русский язык так называемый «Гражданский катехизис» 1808 г. из Севильи, в ко- тором на вопрос о естестве Наполеона давался от- вет: «сатанинское и человеческое». На вопрос о его происхождении – «от ада и греха». Патриотизм испанцев оказался созвучен русскому. В православ- ной России еще помнили разграбленные и со- жженные церкви, стрельбу по иконам наполеонов- ских солдат, попытки взорвать московский Кремль. Укажем на не поднимавшиеся в работах о Наполе- оне мифологизированные его характеристики, ухо- дящие в глубины народных представлений об ан- тигерое [19]: воспитывается матерью и получает талант волшебства, отправляется учиться, собирает войско для похода в дальние земли. Антихристиан- ские высказывания поставили Наполеона рядом с ветхозаветными безбожными правителями, такими как Амалик, Голиаф, Каин [7]. Папа венчал в Па- риже Наполеона, «сиречь Аполлиона», железной короной итальянских государей и римских импера- торов. Железная корона, деталь иконографии, ис- пользовалась в религиозной живописи XVIII–XIX вв. для изображения сатаны и антихриста в момент низвержения в бездну.

Сатирическую оценочную линию детализируют сказки. В сказке «Как казак Наполеона в плен брал» Семен Чепега пытается пленить «француз- ского царя с громким именем Наполе-он» и при-

вести его к атаману Платову или Багратиону. Казаки ввели в заблуждение золотое шитье мундиров, пышные эполеты, перья на шляпах «францев». Он заарканил «высокого, красивого офицера в голубом мундире с блестящими орденами», а не «маленького грузного человека в простом сером сюртуке», «толстого, на белом жеребце» [9]. Эти типовые портретные детали в облике Наполеона ставят его в ряд плебеев-самозванцев.

В другой сказке «французский государь Палеон», «сильный и могучий человек», одержим завистью, за которой улавливается намек на ущербность выскочки, он противопоставлен Александру по нравственному критерию. «Палеон завладевал многим государствам и, завидуя благочестивой жизни нашего батюшки государя Александры Павловича, задумал было идти на него войной». Русский царь должен целый год из серебряной посуды кормить двенадцать генералов, иначе – война. «Палеоновы обжоры» профанируются, ведут себя соответственно чудовищам: «самовар съели и чашки съели», «бутылки съели и чарочки съели». И когда «у нашего батюшки мало стало серебра», в роли избавителя выступил поп, расстриженный «за лишнюю чарочку и хитрые дела»: он притворился иностранным королем, съел генералов, вернул серебро и отправил серебродедов Палеону в смоле и перьях [18].

Порожденные событиями 1812 г., фольклорные оценки Наполеона вышли за рамки конкретной эпохи и не утратили злободневности.

Библиографический список

1. Аникин, В. П. Русское устное народное творчество [Текст]: учебник / В. П. Аникин. – М.: Высшая школа, 2009.
2. Архангельская, Т. Н. Книги великого князя Николая Михайловича в личной библиотеке Л. Н. Толстого [Текст] / Т. Н. Архангельская. Архивировано из первоисточника 20 августа 2011.
3. Барятинский, В. В. Царственный мистик (Император Александр I – Феодор Козьмич) [Текст] / В. В. Барятинский. – М., 1913.
4. Гайдукова, Е. Б. Сюжет о царе-старце в русской литературной традиции: на материале корпуса текстов о праведнике Федоре Кузьмиче [Текст] / Е. Б. Гайдукова ; АКД канд. филол. н. (10.01.01). – Красноярск, 2008.
5. Глинка, Ф. Н. Письма русского офицера [Текст] / Ф. Н. Глинка. – М., 1991.
6. Грунский, А. К. Наполеон в русской художественной литературе [Текст] / А. К. Грунский // Русский филологический вестник. – 1898. – Т. 40. – С. 100–120.
7. Дьякон Владимир Василик. Образ Наполеона-антихриста в русском общественном сознании первой трети XIX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://rpsc.moskva.org/ru/istoriya/dyakon-vladimir-vasilik...>
8. Волгин, И. Л. Диалог о Достоевском, Наполеоне и наполеоновском мифе [Текст] / И. Л. Волгин, М. М. Наринский // *Метаморфозы Европы*. – М., 1993. – С. 127–164.
9. Казаки в казачьих и русских сказках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/russkieskazki/home/skazki-1/kazaki/kak-kazak>.
10. Кедров К. А. «Уход» и «воскресение» героев Толстого [Текст] / К. А. Кедров // «В мире Толстого»: сборник статей. – М.: Советский писатель, 1978.
11. Криничная, Н. А. Предания Русского Севера [Текст] / Н. А. Криничная. – СПб., 1991.
12. Крупенский, Н. П. Тайна императора (Александр I и Федор Кузьмич) [Текст] / Н. П. Крупенский. – Берлин, 1927.
13. Легенды города. Старец Федор Томский [Текст] // Интермузей-2008 (ВВЦ 25.05–01.06). Каталог выставки.
14. Нижегородские христианские легенды: сборник народных христианских легенд [Текст] / сост. Ю. М. Шеваренкова; отв. ред. К. Е. Корепова. – Н. Новгород, 1998.
15. Сказание о жизни и подвигах раба Божия Федора Кузьмича, подвизавшегося в пределах Томской губернии с 1837 года по 1864 год [Текст]; изд. 1-е. – СПб., 1891 г.
16. Сказание о жизни и подвигах раба Божия Федора Кузьмича, подвизавшегося в пределах Томской губернии с 1837 года по 1864 год [Текст]. – СПб., 1892 г.
17. Сказание о жизни и подвигах раба Божия Федора Кузьмича, подвизавшегося в пределах Томской губернии с 1837 года по 1864 год [Текст]. – Тобольск, 1899.
18. Сказки Пермского Края. Сказка о Наполеоне. <https://sites.google.com/site/russkieskazki/home/skazki/skazka-o-napoleone>. Великорусские сказки Пермской губернии. Д. К. Зеленин.
19. Славянская мифология. Энциклопедический словарь [Текст]. – М., 1995.
20. Смольников, С. Н. Фольклорный текст и дискурс [Текст] / С. Н. Смольников // *Текст. Культура. Социум: сб. статей, посв. 70-летию профессора М. А. Вавиловой*. – Вологда, 2000.
21. Фольклор Саратовской области [Текст] / сост. Т. М. Акимова; под ред. А. П. Скафтымова. – Саратов, 1946.
22. Шильдер, Н. К. Император Александр I: Его жизнь и царствование [Текст] / Н. К. Шильдер. – СПб., 1898. Переиздания в 1910 и 1911 гг.